

В СУДЬБЕ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА ВРЕМЯ «Ч» УЖЕ НАСТУПИЛО

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА СОЮЗА НЕФТЕГАЗОПРОМЫШЛЕННИКОВ РОССИИ И КОМИТЕТА
ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ
СТРАТЕГИИ И РАЗВИТИЮ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Юрий Константинович Шафраник

У нас в стране огромные ресурсы углеводородов. Но главное заключается не в их наличии, а в том, чтобы перевести их в экономически обоснованные запасы. А таковых – обеспечивающих промышленную добычу – катастрофически мало. И это даже не сегодняшняя проблема – вчерашняя.

Хотя в СМИ часто упоминается, что по итогам последних лет Россия показывает рекордные объемы добычи нефти и газа, надо учитывать, что речь идет о так называемых рекордах, поскольку достижения нельзя вырывать из исторического контекста.

Общий спад промышленного производства в 1990-е годы во всех странах бывшего Советского Союза и Восточной Европы повлек за собой резкое сокращение добычи углеводородов, так как в ближнем зарубежье крайне сузились возможности их потребления. Вдобавок эту проблему усугубляла тяжелая финансово-экономическая ситуация, когда даже за полученное сырье потребители просто не платили. Приходилось соглашаться на различные «нецивилизованные» варианты, включая бартер, который тоже был подвержен изрядным задержкам.

В 2000-х годах, в период оживления и восстановления экономики, нефтегазовый комплекс (НГК) и углеводородная энергетика в целом на основе принятых еще в 1990-х годах мер структурного реформирования и соответствующего законодательства сумели восстановить свои показатели по нефти, газу и углю. Но именно восстановить, а не приумножить.

К 2010 году восстановительный период, проходивший на основе производственных мощностей, созданных преимущественно до образования Российской Федерации, завершился. Действительно, очень заметно выросли объемы добычи нефти и газа, улучшилась система переработки и транспортировки углеводородов. Были даже превышены показатели, достигну-

тые в советские времена. К тому же осуществлен ряд новых крупных проектов, в том числе инфраструктурных, которые позволили нам обеспечить выход на Восток (трубопроводная система Восточная Сибирь – Тихий океан), увеличить в 2 раза (по сравнению с советским периодом) экспорт нефти за счет новых терминалов, Балтийской трубопроводной системы, реконструкции и увеличения пропускной способности транспортных перевалов на Чёрном море, Каспийской трубопроводной системы.

Кроме того, предприятия ТЭК подступились к богатому нефтью Ванкорскому месторождению, газовым кладовым Ямала (знаменитое Бованенково, осваиваемое «Газпромом», и месторождения, принадлежащие «НОВАТЭКу»).

Знаменательно, что именно в 2014 году, в год юбилея самого колоссального в мире экономического проекта – 50-летия промышленной добычи нефти в Западной Сибири – стартовало освоение углеводородных запасов Востока России. Данный проект включает подписание договора с Китаем и строительство газопровода «Сила Сибири». Я полностью солидарен с заявлением президента В.В. Путина, что в ближайшие годы это будет самая большая стройка в мире.

Всё перечисленное, безусловно, вселяет уверенность в последовательном развитии отрасли, но не снимает накопившихся в ней проблем. Накопившихся и в силу динамичного развития мировой экономики на фоне меняющейся геополитической картины, и благодаря открытию новых месторождений нефти и газа на разных континентах, и по причине наблюдаемой трансформации США из крупнейшего потребителя углеводородов в экспортера.

Такие перемены мы обязаны учитывать, четко определяя свою энергетическую стратегию и тщательно планируя текущую работу. Эти перемены бросают вызовы прежде всего состоянию нашего технологического уклада и стремлению осваивать углеводороды в рамках восточного вектора развития России. Тем более что мы уже приблизились к этапу, когда не только не будет рекордных объемов добычи нефти (с газом дела обстоят лучше), но и вполне вероятен ее спад. Потому что ко многим месторождениям еще не подобралась даже геологоразведка.

Или возьмем месторождения вдоль трубопровода ВСТО. Там есть и газ, и газоконденсат (например, в Ковыкте), и нефть, и гелий, но добывать их нужно непременно комплексно. А это уже совершенно другие затраты. Причем разработка данных кладовых, добыча и глубокая переработка сырья (вплоть до полимерных материалов) суть отдельные суперпроекты. И для их реализации обязательно нужны партнеры, причем утвердившиеся на мировом рынке. Значит, нужен особый экономический подход, особый и весьма дорогой бизнес-проект. Следовательно, надо срочно решать ответственную политико-экономическую задачу: откуда и какого партнера пригласить, как и на каких условиях «встроить» его в дело, чтобы проект бесперебойно осуществлялся 20, 30 и более лет в интересах России, конкретного региона и, конечно, каждого партнера, вложившего финансовый и интеллектуальный капитал.

Итак, у нашей нефтегазодобычи сейчас крайне ответственный период. Хотя и проблемы видны, и меры определены, но действовать нужно намного более целенаправленно и активно. А ориентироваться есть на кого и в России и за рубежом. Например, Татарстан – один из старейших нефтяных регионов страны. Уже на протяжении 22 лет там не только не падает, но и постоянно увеличивается объем добычи, и во многом за счет трудноизвлекаемых запасов. Применение в республике новых методов извлечения и повышения нефтеотдачи дает возможность добывать более 30 млн т ежегодно. В Татарстане основательно задействована нефтегазохимия, работает шинное производство. Или возьмите «Сургутнефтегаз»: компания дает 12,5% от общего объема добычи нефти в России, а бурит 25% от общего объема геолого-разведочных скважин.

Очень яркий пример демонстрирует Техас – старейший после Пенсильвании нефтяной район мира. За последние 6 лет, осуществляя последовательные меры, не открывая гигантских месторождений, подобных нашему Самотлору, здесь в 2,7 раза нарастили объем добычи (в немалой степени благодаря множеству мелких месторождений и малых компаний). При этом стоимость газа для промышленных предприятий «уронили» с 460 долларов (2008 год) до 210 (2014 год) за 1 тыс. куб. м. Представьте, какой мощный экономический импульс получил штат всего за несколько лет! Но это не сугобо техасская тенденция: с 2010 по 2013 год в Северной Дакоте добыча нефти выросла на 177%.

И что, какое-то чудо произошло? Нет, конечно. Это закономерный результат целенаправленных, скоординированных действий центральной и региональных властей, учитывающих общемировые тенденции, которые очевидны или только предсказаны. В основе этого «чуда» экономические условия и производственно-технологический потенциал. При этом именно создание благоприятных экономических условий послужило «толковой ногой», детонатором для мощного «взрыва» технологического потенциала.

В итоге высокая эффективность производства в США делает, к примеру, выгодной добычу 500 л нефти в день, а у нас даже 5 т не укладываются в пределы выгоды...

«Виновата» Америка?

Сегодня ни одно мероприятие в профессиональном сообществе не проходит без упоминания сланцевого газа. В широком обсуждении этой темы «виновата» Америка. И упор почему-то делается на увеличение добычи газа именно из сланцев. На самом деле в США газ добывается и из угольных пластов, много сделано для получения биогенного газа. Не исключено, что там появятся и другие источники углеводородов, поскольку за десятилетия к этому созданы необходимые экономические и технологические предпосылки: стимулировалась разработка технологий, создавались условия для резкого увеличения объемов НИОКР на всех перспективных направлениях.

Важно, что в России достаточно месторождений как традиционного вида, так и с трудноизвлекаемыми запасами: от Баженовской свиты до залежей сланцевой нефти и газа. Но, подбираясь к любым залежам, необходимо всё грамотно просчитывать с экономической и социальной точек зрения.

По данным Агентства энергетической информации США (EIA), Россия сейчас занимает девятое место в мире по объему технически извлекаемых запасов сланцевого газа (8,1 трлн куб. м) (первые три места у Китая (31,6 трлн куб. м), Аргентины и Алжира). В то же время по общему объему добычи природного газа Россия находится на втором месте после США. Добыча газа на традиционных месторождениях дешевле, чем на сланцевых, поэтому в ближайшие годы у нас нет необходимости массово осваивать месторождения сланцевого газа.

Однако ради развития отечественной промышленности целесообразно уже сейчас начать заниматься пилотными проектами по добыче нефти и газа из сланцев, так как она требует применения самых современных технологий и постоянно совершенствуется. «Сланцевая революция» – это не только буровые установки-«железки», но и самая современная электроника, химия и т.д. Это производство, не уступающее по сложности космическим программам. Я считаю, что перспективное освоение сланцевых и шельфовых месторождений, Баженовской свиты должно быть использовано Россией для развития отечественного комплекса по производству отраслевого оборудования и нефтесервиса, как это уже сделали и делают у себя норвежцы и американцы.

Нефть на конце долота

Для того чтобы и впредь лишь удерживать нынешний объем добычи в стране на уровне 500 млн т, необходимо обеспечивать отдачу величиной как минимум 160 млн т нефти в год с новых месторождений, компенсируя снижение добычи на старых. Следовательно, надо в 2,5–3 раза увеличить объем разведочного бурения и минимум на 13% в год – эксплуатационного бурения, причем бурение должно быть современным, высокотехнологичным. Это, в частности, относится к проходке горизонтальных стволов. Между тем в 2013 году в России пробурено всего 21 млн м. А по итогам первого полугодия 2014 года, как свидетельствует Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса (ЦДУ ТЭК), объемы бурения снизились по сравнению с предыдущим периодом на 7%. Это не просто опасно, а чрезвычайно опасно. Что бы мы ни говорили, но

производство нефти – это бурение. Для сравнения: чтобы увеличить добычу нефти и газа, за последние 7 лет Америка вышла с 60 млн м на 110 млн м проходки в год.

Как говорил знаменитый руководитель Главтюменнефтегаза Виктор Иванович Муравленко: «Нефть – на конце долота». Это значит, что объем добычи напрямую зависит от парка буровых установок (БУ). Но если за последнюю советскую пятилетку мы получили 1,1 тыс. буровых, то за последующие 20 лет (1992–2012 годы) – всего 400. Причем половина из них – не российского производства.

(Замечу в скобках, что в свое время мы имели развитую промышленность по выпуску БУ. Их сборка велась на Волгоградском заводе буровой техники, заводе «Уралмаш – буровое оборудование», Кунгурском машиностроительном заводе и ряде других предприятий. При этом подрядчиками выступали самые разные отечественные заводы. Наши БУ закупали западные буровые компании, их использовали для освоения стратегической сырьевой базы – п-ва Ямал.)

Итак, чтобы сохранить имеющиеся позиции по добыче черного золота, необходимо заменить как минимум 1 тыс. устаревших БУ и добавить к ним еще 1 тыс. новых. Конечно, на это требуются немалые деньги, поскольку цена БУ в среднем составляет 25 млн долларов. Тем не менее нам жизненно необходима массовая замена буровых и соответствующей инфраструктуры.

И еще: увеличивая объемы бурения, важно правильно рассчитать снижение затрат и издержек. Здесь главные законодатели – наши национальные лидеры, вертикально интегрированные нефтяные компании (ВИНК). Они заметно укрепились за последние 10 лет и обязаны сегодня взять на себя роль лидера в данном вопросе. Основным залогом успеха является эффективность и ориентированность компаний на национальные интересы, их работа как инициаторов и организаторов развития отрасли. А пример эффективности и опережающего развития должны показывать компании с государственным участием. Впрочем, есть и частные компании, на которые стоит равняться, – тот же «Сургутнефтегаз» или «Газпром нефть».

Всё описанное выше – главная проблема и задача отрасли. Остальные задачи тоже сложны, требуют тесного взаимодействия нефтегазовой промышленности и Минэнерго России, Минприроды России, Минфина России, Минэкономразвития России. Причем работа правительства должна носить мобилизационный характер, обеспечивать обязательную, полную и своевременную отдачу по любому из принятых решений.

Фискальная удавка

Сегодня крайне запутанно всё, что связано со стимулированием компаний, с переходом на новую систему налогообложения. Нужно, чтобы у органов исполнительной власти появилась правильная модель развития отрасли на длительный период, разработанная с помощью промышленников. Любые отраслевые метания преступны, так как речь идет о сложном капиталоемком бизнесе и его нельзя стимулировать сегодня так, а завтра иначе. Поэтому обсуждения на форумах профессионалов должны формировать у Минфина России, Минэкономразвития России, Минэнерго России, Минприроды России точный и ясный образ того, как следует стимулировать нефтегазопромышленников, какими способами добиваться сохранения и увеличения объемов добычи.

Известно, что у нас самые высокие в мире налоги в нефтегазовом секторе – от 40 до 65% (в Америке они не превышают 32%). Более того, нацеленность российской фискальной системы на налогообложение выручки, а не финансового результата компаний делает добычу на большинстве разрабатываемых месторождений нерентабельной. Необходимо ориентировать налоговую политику на стимулирование привлечения инвестиций в отрасль, переходя на новый режим, основанный на изъятии сверхдоходов. Введение налога на добавленный доход давно и активно обсуждается, но пока мы не добились внесения соответствующих изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации. Без этого по-настоящему стимулировать отрасль невозможно. Принимать точечные решения по конкретным участкам недр, конкретным запасам сложно и неэффективно.

Для справки: «ЛУКОЙЛ», одна из самых мощных российских компаний, имеет чистую прибыль около 9 млрд долларов, а у ExxonMobil она превышает 40 млрд. А ведь все геолого-разведочные и буровые работы, ввод новых месторождений, модернизация нефтепереработки осуществляются за счет той самой чистой прибыли.

Не менее важно улучшать инвестиционный климат. И дело тут не в одной лишь системе налогообложения или борьбе с офшорами. Ведь почему бизнес стремится вывести средства из страны на тот же Кипр или Острова Кайман? Не только потому, что там налоги низкие – дело в элементарной правовой защищенности.

Геологоразведка в штопоре

Одной из основных причин пессимистичных прогнозов относительно будущего российского ТЭК специалисты называют ситуацию с геологоразведкой. Действительно, сейчас она находится на самом низком уровне за последние как минимум 50 лет. А учитывая, что мы говорим об этом больше 15 лет, доказывая «первородство» то финансирования, то технического перевооружения, можно сделать вывод: нет теперь преимущества у какой-либо из этих опор для резкого улучшения ситуации. Необходимо и то и другое. Что касается финансирования, то деньги сами по себе мало что решают. Главное – точно наметить зоны открывающихся месторождений и круг решаемых задач. Затем определить исполнительных игроков: добывающие компании, специализированные геологические предприятия (большие или малые, но сориентированные на свои конкретные обязанности) – и через них и при их стимулировании осуществлять проекты.

Однако пока геологоразведка недостаточно востребована, как и не в полной мере понята острота проблемы, хотя на эту тему давно высказались все специалисты – от президента Российского геологического общества Виктора Петровича Орлова до членов Высшего горного совета и профессионалов в федеральных округах. Поэтому повторяться особого смысла нет. Важно просто уяснить: если ничего не менять в отрасли, то в лучшем случае добыча нефти в ближайшие 10 лет будет колебаться на уровне 500 млн т, а после 2020 года и вовсе может снижаться. Весьма вероятно, что так и произойдет, если власть и компании не выведут из штопора геологоразведку.

Это высокорисковый вид бизнеса. Значит, надо совершенствовать систему государственного регулирования, чтобы компаниям было выгодно вкладывать деньги. Да, речь идет в первую очередь о выгоде для компаний. Но создавать условия должно государство, чтобы у компаний, у частных инвесторов появился смысл рисковать.

Первооружение НГК крайне необходимо

Уже давно в нефтегазовом комплексе, особенно в нефтесервисе, большая часть оборудования – зарубежного производства. Насколько уместно в данном случае говорить об импортозамещении? Готовы ли отечественные машиностроительные предприятия изготавливать качественное оборудование для российских нефтегазовых компаний? Какой период времени может занять это импортозамещение, в каких объемах оно может быть осуществлено? Это острейшие вопросы не только для отрасли, но и для всей отечественной экономики. А масштаб задачи настолько велик, что требует внимания высшего руководства страны. Ведь кроме поддержания объемов добычи и технического перевооружения машиностроения речь идет о многочисленных высокотехнологичных рабочих местах. Стране такая задача по плечу, но необходимы мобилизационная активность, сконцентрированность и координация на уровне Председателя Правительства Российской Федерации. Не ниже. И тогда половину средств на перевооружение мы сможем направить на наши машиностроительные предприятия, привлекая к работе западные и китайские компании, которые продвинуты в данной сфере, находя эффективные формы сотрудничества с ними.

Это в первую очередь относится к ситуации на сервисном рынке. Ее можно изменить, прежде всего при условии выделения и специализации нефтегазового сервиса. Такой механизм обеспечивает кратное повышение эффективности добывающих компаний. А профессиональные сервисные предприятия будут успешно развиваться сами, содействуя развитию отечественного машиностроения, поскольку сервис должен быть главным заказчиком оборудования и технологий.

Мы видим, что процессы, инициированные Правительством Российской Федерации и стимулируемые работой комитета Торгово-промышленной палаты Российской Федерации по энергетической стратегии и развитию топливно-энергетического комплекса и Союза нефтегазопромышленников России, активизировались, но и профессиональному сообществу, и руководству страны надо прилагать значительно больше усилий к тому, чтобы российские сервисные бренды были всеми способами поддержаны. Необходимо государственное стимулирование развития сервисных и машиностроительных предприятий посредством корректирования нормативно-правовых актов, введение для всех добывающих компаний обязательных норм размещения заказов на территории страны.

Нужны региональные программы

В заключение считаю важным напомнить: Россия от Чукотки до Калининграда настолько разная, что с одним программным шаблоном действовать в НГК просто преступно. Поэтому я всегда выступал за сильную региональную политику, подразумевая использование местных особенностей, стимулирование, развитие того или иного направления в нефтегазодобыче и вообще в недропользовании.

На сегодняшний день идеальный пример освоения недр демонстрирует Австралия. Там всего 22 млн жителей, но страна как экспортер сырья опережает Россию. Кроме того, в Австралии произвели, например, в 2012 году горного оборудования на 81 млрд долларов и экспортировали его на 15 млрд. Для сравнения: всё добытое в 2012 году в России золото можно оценить примерно в 11 млрд долларов. Кстати, в Австралии сейчас производится 6% мирового объема программного обеспечения для горняков, и в ближайшие годы она предполагает стать основным поставщиком горного оборудования в Россию. Учиться надо! Хотя целенаправленному региональному освоению природных ресурсов можно поучиться, как я уже упоминал, и у Татарстана.

Но учеба, причем стремительным экстерном, только часть настоятельно требуемого мобилизационного прорыва во всем, что связано с добычей углеводородов. Необходимо сделать еще многое, к тому же санкции не позволяют нам останавливаться ни на день. В частности, федеральному центру следует усилить роль регионов в разработке «трудной» нефти. Нужно сверхактивно заниматься повышением эффективности компаний, конкретными программами по импортозамещению, адаптацией технологий, поиском вариантов привлечения партнеров, интеграцией с ними. И при этом категорически отказаться от мысли, что у нас – и в центре, и в регионах – есть в запасе какое-то время. В судьбе НГК время «Ч» уже наступило.